

Шнайдер Л.В.¹
Античные критики христианства II века

Второй век был временем расцвета Римской империи в политическом плане и временем нарастающего конфликта старой и новой культурных парадигм. Это период становления новой ценностной ориентации, отраженной в христианстве, которое предстает перед греко-римским миром как новый религиозный факт, требующий со стороны государства и общества определенного отношения. Христианство в своей оппозиции античной культуре высказало претензию вытеснить существующую мировоззренческую систему и выдвинуть на первый план свою максиму, сообразуясь с которой будет дана новая оценка общественным явлениям и сформировано принципиально новое отношение к ним. Разумеется, что в своем стремлении охватить и подчинить себе все стороны жизни оно столкнулось с противостоянием со стороны различных общественных и политических структур римского общества.

Поначалу представители образованной, интеллектуальной части общества, высоко ценившей античную культуру, отличающейся скептицизмом и индифферентностью по отношению к религии, даже не рассматривали христианство как достойное их внимания явление. В римской литературе конца I – начала II веков мы находим лишь краткие и довольно неслетные упоминания о христианах как о религиозных фанатиках и христианстве как новом виде религиозного суеверия. Ситуация изменилась во второй половине II века, именно тогда в связи с широким распространением христианства в империи и обширной литературной деятельностью апологетов представители римской интеллигенции ощутили потребность письменно высказать свое неприятие христианской религии.

И первый автор в ряду античных критиков христианства – блестящий сатирик Лукиан Самосатский (ок. 120 – 180 гг.), который на фоне писателей II века выделяется своим остроумием и язвительностью. Он не принадлежал ни к одному философскому направлению, но последовательно придерживался материализма, с симпатией относился к Эпикуру. Важно отметить, что Лукиан являлся обличителем любой религии и ее источником считал обман. Христиане же фигурируют в двух его работах: «Александр, или Лжепророк» и «О кончине Перегрини». В первом памфлете Лукиан лишь мимоходом упоминает их, указывая, в частности, на то, что в глазах жителей империи христиане, как и эпикурейцы, выглядели безбожниками. Относительно второго произведения надо сказать, что, собственно, целью лукиановой сатиры служат не христиане, а киники II века². В отношении же христиан Лукиан указывает на их невежество

¹ **Шнайдер Лидия Владимировна** [lida_shnaider@mail.ru] – аспирантка кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) – *прим. ред.*

² Такое мнение высказывали Лебедев А.П. [Лукиан и христианство // *Лебедев А.П. Христианский мир и эллино-римская цивилизация. Исследования по истории древней Церкви.* – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. – 352 с. С. 291–303] и А.А. Спасский [Эллинизм и христианство. История литературно-религиозной полемики между эллинизмом и христианством в раннейший период христианской истории. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. – 360 с. С. 136].

ность и доверчивость, в его глазах – это жалкие, суеверные люди, пребывающие во власти предрассудков. Описывая первых христиан, Лукиан не дает основательной критики их вероучения, он пишет лишь об их вере в «распятого мудреца», который ввел новые таинства и внушил им, что они братья, об их общинной форме организации жизни и презрении к смерти³.

Из этих двух произведений Лукиана мы можем почерпнуть некоторые сведения о взглядах христиан, устройстве и социальных отношениях внутри христианской общины II века. В своем описании христиан он верно свидетельствует об уже начавшемся отходе от первоначального христианского демократизма: о появлении главы общины, накоплении значительных денежных средств, возрастающей роли проповедника странствующего типа. Абсолютно верно отражает Лукиан и социальную структуру христианской общины, состоящей в основном из представителей социальных низов.

Важным источником по теме критического восприятия христианской религии античными интеллектуалами является диалог «Октавий» латинского апологета Минуция Феликса. Согласно одной, весьма распространенной среди исследователей, гипотезе монолог одного из персонажей диалога – противохристианского полемиста Цецилия, основан на несохранившейся речи Марка Корнелия Фронтоня из Цирты⁴, ритора и учителя императора Марка Аврелия.

Цецилий, исходя из основного тезиса скептической школы академиков «о воздержании от суждения», высказывает недовольство тем, что христиане, по большей части люди необразованные, осмеливаются рассуждать о природе вещей и сущности Бога, о тех вопросах, которые не смогла решить философия, а ведь «в делах человеческих все сомнительно, неизвестно и только более вероятно, нежели истинно. ... В самом деле, ограниченности человеческого ума так далеко до познания Бога, что ему не дано это знать, и даже нечестиво пытаться проникать в эти тайны»⁵, – данное высказывание Цецилия можно обозначить как скептический аргумент. Далее он в духе эпикуреизма указывает на естественное, материальное происхождение мира и живых существ: «Все произошло из первоначальных элементов, существовавших в недрах природы: какой же тут творец Бог? Все части вселенной образовались, расположились и устроились от их случайного столкновения: какой же тут устроитель Бог?»⁶, – такое материалистическое понимание природы приводит его к отрицанию промыслительных действий Бога.

Поскольку вопросы о генезисе и сущности религии недоступны человеческому познанию, то, по Цецилию, и не стоит пытаться разрешить

³ См. об этом: *Лукиан Самосатский. О кончине Перегриня* // Лукиан Самосатский. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. А.И. Зайцева. – СПб.: Алетей, 2001. – 538 с. С. 296–297.

⁴ См. об этом: *А.А. Спасский* [С. 23 – 25, 29], *А.Б. Ранович* [Античные критики христианства. // Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. – М.: Политиздат, 1990. – 479. С. 332].

⁵ *Марк Минуций Феликс. Октавий*. V. С. 228 – 229.

⁶ Там же, – С. 229.

их. Что же касается выбора той или иной религии, то он продиктован наличествующей в обществе многовековой традицией: «Не следует нам рассуждать о богах, а должно верить предкам, которые в век еще простой и близки к началу мира, удостоились иметь этих богов благодетелями или царями»⁷. Заметим, что в таком случае Цицилий понимает религию как результат сакрализации исторического процесса, и, по его мнению, языческие боги возникли в результате трансформации реальных исторических личностей в фантастических персонажей, таким образом, здесь совершенно очевидно влияние Эвгемера.

Цицилий обвиняет христиан в том, что они в своем неприятии языческого культа приняли новую религию, которая отличается системой странных верований и обрядов, а также аморализмом. В его речи, направленной против христианской ритуальной практики, нашли отражение распространенные в народной среде предрассудки в отношении христиан. Можно даже сказать, что в диалоге собраны и обобщены все обвинения – в разврате, пьянстве, в фаллических культах, ритуальных убийствах, необходимых для посвящения неофита, в почитании ослиной головы⁸.

Очевидно, что оценка Цицилием христианства тенденциозна, но вместе с тем небольшая по своему размеру речь полемиста позволяет нам понять, какое впечатление произвела христианская религия на культурный мир Римской империи II века при первом своем знакомстве с ним.

Следующая, поистине ключевая, фигура в ряду античных критиков христианства – Цельс, для опровержения которого Ориген (ок. 185–254 гг.) написал специальное сочинение «Против Цельса». Мы не можем в полной мере судить о характере работы Цельса и его аргументах, поскольку его оригинальный трактат считается погибшим, соответственно, текст, восстановленный по сочинению Оригена, является нашим единственным первичным источником. О личности Цельса также известно немного, а именно, что он был эклектичным платоником, жившим во второй половине II в., что его литературная деятельность приходится на период 175–180 гг., и что он написал работу под названием «Истинное Слово» о христианской религии.

Цельс стремился доказать, что как теоретическое, так и нравственное учение христиан несамостоятельно и неоригинально, оно «заключает в себе черты, общие с учением прочих философов, и не представляет какого-либо особенного и нового учения»⁹. Согласно Цельсу, христианство – не явление, порожденное образованным эллинским миром, это варварское учение, последнее доказывается связью христианства с иудаизмом. Первая последовательно монотеистическая, авраамическая религия и есть историческое лоно христианства, источник христианских понятий и воззрений. Более того, Цельс высказывает мнение, что рождение человека в определенной религиозной среде установлено волей богов, и эта связь человека с первоначальной религиозной группой должна быть

⁷ Там же, – VI. С. 230.

⁸ См. об этом: там же, – IX. С. 233 – 235.

⁹ *Ориген. Против Цельса.* // Ориген. О началах. Против Цельса – СПб.: Библиополис, 2008. – 792. Кн. 1. IV С. 412.

нерушима. Христианство, с его точки зрения, есть религия непозволительная именно по той причине, что оно есть измена своей родительской религии – иудаизму.

Цельс одним из первых поднял вопрос об историчности Иисуса Христа. Так, введенный им еврей предпринимает попытку доказать, что Иисус – не Мессия, приводит иудейский вариант биографии Христа. Цельс видит во Христе обманщика, фокусника, шарлатана, относится к нему с насмешкой, свойственной отношению гражданина из высшего класса к человеку низшего, и полагает, что христианская религия – продукт выдумки и обмана.

Отметим, что главным предметом критики Цельса служит преимущественно учение о воплощении Бога. Цельс разбирает этот вопрос с трех точек зрения: с точки зрения идеи Бога, мира, человека – это теологическое, космологическое и антропологическое доказательства¹⁰.

Начнем разбор позиции Цельса с рассмотрения первого, *теологического*, доказательства. Сама идея Бога как существа абсолютного, вечного и неизменного, противоречит идее воплощения. Считая идею боговоплощения произведенной «грубым механическим образом»¹¹, Цельс имеет в виду претворение божества в плоть. Против этого положения он выдвигает три аргумента. Во-первых, согласно его мнению, из того, что Бог сойдет на землю к людям, вытекает, что «Он должен оставить свой трон на небесах»¹², во-вторых, такое нисхождение должно было бы изменить саму природу божества, что невозможно¹³. И, в-третьих, если понятие абсолютной неизменяемости Бога дает Цельсу основание для доказательства невозможности самого факта осуществления воплощения, то понятие о всемогуществе и всеведении Бога разрушает, в принципе, саму цель воплощения¹⁴.

Обратимся к *космологическому* доказательству невозможности боговоплощения. Согласно Цельсу, воплощение Бога – это грандиозный переворот, имеющий своей целью перемены в мире. Цельс признает существование и действие в физическом мире закона необходимости, и, как следствие, принимает положение о том, что мир, как дело Божие,

¹⁰ См. об этом: *Лебедев Н.И.* Сочинение Оригена против Цельса: Опыт исследования по истории литературной борьбы христианства с язычеством. – М.: Унив. тип. (М. Катков), 1878. – 255. С. 181.

¹¹ Там же, – С. 181.

¹² *Ориген.* Против Цельса. Кн. 4.V. С. 675.

¹³ «Бог благ, прекрасен, блажен, Он находится в самых лучших условиях. Если же Он нисходит к людям, то в этом случае необходимо предполагается изменение: Его благость должна обратиться в греховность, Его нравственная чистота – в нечто постыдное, Его блаженство – в несчастье, Его совершенство – в величайшую порочность. ... бессмертная же природа такова, что она всегда пребывает одной и той же. Бог не мог воспринять на Себя такое изменение» [Там же, – Кн. 4.XIV. С. 684].

¹⁴ «Что же за цель была у Бога в таком схождении? ... Не с той ли целью, чтобы иметь возможности узнать дела и стремления людей? Да разве Он не знал всего?... Разве для Его Божественной силы не было доступно дело исправления иначе, как только при условии нарочитого посланничества для этой цели ко-го-нибудь?» [Там же, – Кн. 4.III. С. 673].

сам в себе имеет цель и не допускает внутри себя никаких изменений¹⁵. Согласно Цельсу, промышление Бога, который, являясь причиной всего сущего, не находится в непосредственном отношении к миру физических объектов, заключается в том, что в мире через подчиненных Ему демонов поддерживаются законы, первоначально заданные универсуму Богом. Таким образом, божий промысл – в сохранении status quo. Так что можно сказать, что Цельс является деистом.

И третье доказательство, приводимое Цельсом против возможности воплощения, – *антропологическое*. Христиане настаивают на положении, что человеческая природа ближе всего к божественной, и говорят, что все сотворено для людей, в чем Цельс с ними совершенно не согласен. Он считает, что люди не только не выше бессловесных животных, но в некотором отношении даже ниже их. Заметим, что Цельсу совершенно чужд религиозный антропоцентризм.

Из рассуждений Цельса можно получить сведения и о социальной базе христианства. Христианское общество состоит из людей низшего класса, необразованных и невежественных, чей лозунг «Не исследуй, но верь – вера твоя спасет тебя», и только на этой почве могло развиваться грубое, по мнению критика, учение. И в том обстоятельстве, что христианство само требует легковерия, слепого подчинения авторитету и стремится действовать на людей легковерных, Цельс видит главную причину его быстрых успехов.

Цельс – исключительная фигура в истории христианской мысли. Он высказал глубокие идеи, для того времени революционные, выступив против идей антропоцентризма, против догмата о боговоплощении и воскресении плоти и других христианских представлений, он одним из первых дал развернутую, систематическую и последовательную критику христианства. Им были поставлены особо важные вопросы для римского общества II века: о происхождении христианства и его идейных источниках, о его культе, о социальной базе.

В заключение скажем что, переходя от рассмотрения позиций по отношению к христианству Лукиана и Фронтон к Цельсу, мы можем проследить развитие литературной полемики против христианства от фиксации чисто внешних, поверхностных фактов, пусть и не всегда правдивых, к глубокому анализу теоретического и практического аспектов христианской религии. У Лукиана и Фронтон мы не встречаем как таковой критики христианского учения: у первого мы обнаруживаем указание на организацию христианской общины, у второго представленный впервые в критической литературе полный спектр различных обвинений против христиан. И лишь с именем Цельса связана первая серьезная литературная попытка осмысления и критики христианской религии, именно он в своем сочинении «Истинное слово» дал систематическую критику христианства с исторической, философской, политической точек зрения.

¹⁵ «Как дело Божие, мир вполне совершенен в своих частях, и Богу нет никакой надобности исправлять раз сделанное свое дело» [Там же, – Кн. 4.LXIX. С. 753].